УДК 101.1:316 DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-76-88

Революционные волны XX века: «красная волна» в Азии 1940-х – 1970-х годов

В. В. Цыганков

Новосибирский государственный университет Новосибирск, Россия

Аннотация

Исследование посвящено изучению революционных волн — процесса распространения протестной активности из одного общества на другое. Автор статьи выявляет специфику и анализирует характер связей внутри «красной волны» в послевоенной Азии в 40-х — 70-х гг. ХХ в. Объяснены структурная, идейная и организационная зависимость между указанными революциями (восстаниями, партизанскими войнами), для этого используются миросистемный анализ, демографически-структурная теория, теория «военных революций» и неомарксистская модель Б. Мура. Данные подходы позволили объяснить авторитарный, дирижистский и эгалитарный характер азиатской «волны», а также выделили в ее рамках две идейно и организационно самостоятельные «волны».

Ключевые слова

революционные «волны», азиатская революция, партизанская война, деколонизация, Коминтерн, маоизм, «красные кхмеры», демографически-структурная теория, неомарксизм, миросистемный анализ

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»)

Для цитирования

Цыганков В. В. Революционные волны XX века: «красная волна» в Азии 1940-х – 1970-х годов // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 76–88. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-76-88

© В. В. Цыганков, 2019

Revolutionary Waves of the Twentieth Century: "The Red Wave" in Asia, 1940–1970

V. V. Tsygankov

Novosibirsk State University Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The study examines revolutionary waves – the process of spreading protest activity from one society to another. The author reveals the specifics and analyzes the nature of relations within the "red wave" in post-war Asia in the 40s – 70s of the twentieth century. The paper explains the structural, ideological and organizational relationship between these revolutions (uprising, partisan wars) using the world system analysis, demographic and structural theory, the theory of military revolutions, and the neo-Marxist model of B. Moore. These approaches helped to explain the authoritarian, dirigiste an egalitarian Asian "wave", and also highlighted two ideologically and organizationally separate "waves"

Keywords

the revolutionary "waves", the Asian revolution, guerrilla war, decolonization, the Comintern, Maoism, the Khmer Rouge, demographic-structural theory, neo-Marxism, world-system analysis

Acknowledgements

This work was financially supported by the RHSF (Russian Humanitarian Science Foundation, project no. 16-03-00318 "Revolutionary waves in the modernization dynamics of societies in XIX–XXI centuries: macrosociological and socio-philosophical analysis")

For citation

Tsygankov V. V. Revolutionary Waves of the Twentieth Century: "The Red Wave" in Asia, 1940–1970. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 76–88. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-76-88

В последнее время среди макросоциологов продолжает усиливаться интерес к изучению явления революционных «волн», под которыми понимается процесс «заражения» обществ политической дестабилизацией, когда революционная ситуация как бы распространяется от одной страны к другой. Всего с начала XVI в. исследователи выделяют свыше 20 таких «волн» [Розов, 2016].

Автором уже были предприняты исследования «волн» периода раннего и позднего Нового времени [Цыганков, 2016; 2017]. На-

стоящая работа посвящена ярко выраженной послевоенной «красной волне» в Азии. Цель работы — подбор «генеральной совокупности» случаев протестной активности, относящихся к данной «волне», а также выявление основных типов связи между этими случаями. Решение этих задач позволит выявить количество возможных «волн» (быть может, речь надо вести о нескольких «красных волнах», а не об одной?), а также позволит объяснить конкретно-историческую специфику каждой из них.

Совокупность случаев. Рассматриваемая «красная волна» революций состоит из последовательности: 1) гражданская война в Китае (1945-1949 гг.), которая нарушила порядок «единого фронта» основных политических сил, существовавший в стране с 1936 г.; 2) партизанская война на Филиппинах (1945–1954 гг.), где коммунистические партизаны от войны с японцами плавно перешли к войне с проамериканским правительством Магсайсая; 3) антияпонское восстание в Бирме (март 1945 г.), где из подполья выходит еще не расколовшаяся Антифашистская лига народной свободы; 4) Августовская революция во Вьетнаме и последующая партизанская война (1945–1975 гг.); 5) партизанская война коалиционного (националисты и «левые») правительства Сукарно в Индонезии (октябрь 1945 г.), начавшаяся с вторжения англичан и голландцев; 6) Теланганское восстание в Индии (1947 г.), где коммунисты возглавили народное ополчение против полунезависимых княжеств, отказавшихся передать власть федеральному центру; 7) гражданская война в Бирме (март 1948 – начало 1975 г.), начавшаяся с голосования на конференции Всебирманского крестьянского союза за радикальную аграрную реформу; 8) антибританская война Объединенного народного фронта Малайзии (июнь 1948 – 1957 гг.), где коммунистических партизан поддерживали китайские переселенцы; 9) восстание на корейском острове Чеджудо (1948 г.), начавшееся с бойкота коммунистами выборов на южной части полуострова; 10) Мадиунское восстание в Индонезии (сентябрь 1948 г.), спровоцированное попыткой правительства Сукарно разоружить коммунистических партизан; 11) совместное наступление интервентов Вьетнамской народной армии и местных партизан «Патет Лао» на профранцузскую монархию Лаоса (1953-1975 гг.), начавшееся с разгрома французами «правительства трех принцев» и с реставрации монархии; 12) партизанская война в Таиланде (1965 – начало 1990 гг.), начавшаяся с акций маоистской Народно-освободительной армии в Корате и Пхупоне, позже на юге страны зафиксирована неудачная интервенция отрядов компартии Малайи; 13) восстание в Наксалбари и начало партизанской войны наксалитов в Индии (март 1967 г. – настоящее время), крестьянское восстание в Бенгалии, поддержанное маоистами, образовавшими затем «красный пояс» на границе с КНР; 14) партизанская война Чин Пена в Малайзии (1967–1989 гг.), начатая китайскими переселенцами уже под флагом маоизма; 15) крестьянское восстание в Камбодже против правительства «короля-премьера» Н. Сианука (1967 г.); 16) бунты хунвейбинов в Ухане и Гуйлине в КНР (июль-август 1967 г.), произошедшие после волны захватов власти «коммунами» хунвейбинов с февраля 1967 г. и ответных действий консервативно настроенного населения и подразделений НОАК; 17) восстание Новой народной армии на Филиппинах (1968 г.), состоящей из маоистов, отколовшихся от КПИ; 18) восстание в Камбодже (1970–1975 гг.), к которому призвал Сианук, свергнутый в ходе военного переворота Лон Нола, закончившееся победой «красных кхмеров» 1.

Специфика. Выделение в данном ряду отдельных протестных событий вызывает трудности: в этот период может не наблюдаться классическая схема «сначала восстание, потом – институциализация протеста». Специфика колониальных обществ послевоенного периода состоит в том, что к началу активной фазы протеста господствующий порядок уже подорван (японцы разгромили прежних колонизаторов), а субъекты протеста уже сформированы (как правило – усилиями Коминтерна в 1920-е – 1930-е гг.). Поэтому доминирующий сценарий периода таков: съезд (конгресс, конференция) левой партии (союза, Фронта) выносит решение о переходе в оппозицию к постколониальному правительству (или даже решение атаковать отступающих японцев), после чего протестный субъект начинает партизанскую войну с опорой на помощь местного населения. Этот сценарий можно обозначить как «отложенный конфликт» (предельно выпуклый случай которого – возобновление гражданской войны в Китае между Гоминьданом и КПК в 1945 г.).

¹ Например, деятельность Индийского национального конгресса в 1945–1947 гг. или Непальского конгресса в 1948–1950 гг. в «красную волну» не попадает: хотя она лежит в русле процесса деколонизации, однако имеет выраженные кастово-клановые (в Непале) или националистические черты (в Индии). Не попадает сюда и приход к власти националистов движения «Свободный Лаос» (октябрь 1945 г.), выразившийся в создании «правительства трех принцев», а также Тайваньское восстание («Инцидент 228»), носившее сепаратистский характер по отношению к гоминьдановской администрации (февраль-март 1947 г.).

Типы связи внутри «волны». «Революционная волна» предполагает следующие типы связей между отдельными протестными событиями: структурную, и организационную. Наиболее трудной для выявления (и даже просто для обсуждения) оказывается структурная зависимость, т. е. связь, означающая единые процессы, которые идут одновременно во множестве обществ и провоцируют совпадающие по времени протестные акции.

Структурная связь

Что могут здесь предложить важнейшие экзогенные подходы: геополитика и миросистемный анализ? С геополитической точки зрения крушение легитимности порядков в азиатских обществах – это, во-первых, результат «вакуума могущества» от поражения Европы во Второй мировой войне, а во-вторых – результат борьбы победителей за «сферы влияния» в мире путем локальных войн руками участников местных гражданских войн. С миросистемной точки зрения главный процесс, подрывавший легитимность – это постепенная утрата Британией статуса гегемона мир-экономики, которая обозначилась уже к концу XIX в. и стала очевидна в 1920-х гг., спровоцировав Великую депрессию. С этой позиции ослабление Британии и усиление «претендента»-Германии – это те процессы, которые вызвали к жизни и Первую, и Вторую мировые войны. Результаты этих конфликтов сработали на усиление США примерно так же, как наполеоновские войны экономически усилили в свое время саму Британию. А новый гегемон ведет себя в начале своей «карьеры» примерно одинаково: начинает борьбу за «свободный рынок» и против экономических перегородок (протекционизма, системы британских «двусторонних договоров»). Такой борьбой и стала послевоенная деколонизация. При этом США не должны были прямо столкнуться в борьбе с Европой – своим военным союзником, и здесь как нельзя кстати понадобился «громоотвод» (или «пугало») в лице СССР. Примерно такую же роль для Британии в XIX в. сыграла Франция в деле деколонизации иберо-американского мира. Другими словами, миросистемный цикл накопления капитала и смены гегемона объясняет экономическую подоплеку коалиционного конфликта масштаба Тридцатилетней, Семилетней войны или мировых войн, а также – волн деколонизации в XIX и XX вв. В рамки такой экзоструктурной зависимости попадают не только 18 вышеназванных протестных случаев, но также и случаи Индийского и Непальского конгрессов, движение «Свободный Лаос», и тайваньский «Инцидент 228», имеющие националистический или кастово-сословный характер.

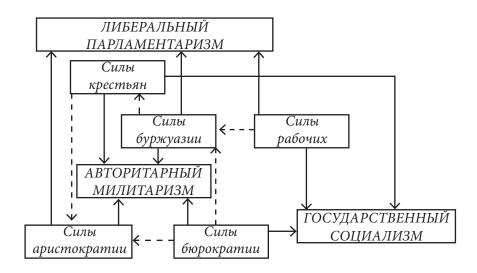
Но почему при крушении порядка альтернативой оказывался, как правило, «левый» проект (а не, например, националистический, сословный, клерикальный)? В ответе на этот вопрос ни геополитика, ни миросистемный анализ не могут помочь. Здесь нужны версии, объясняющие эндоструктурные связи между участниками «волны».

Если полемогенный фактор в рассматриваемых случаях – ключевой, то, быть может, следует обратиться к теории «военной революции»? С позиции этого подхода утрата легитимности «старых режимов» по итогам Первой мировой войны объясняется в социально-административном ключе. Впервые в истории «массовое общество» собрало «массовую армию» всеобщей воинской повинности, десяткам миллионов подданных выдали оружие и обучили сражаться. Такой «сквозной» милитаризации доселе не было в истории крупных стран. А в Новое и Новейшее время переход к новым военным системам провоцирует открытость и «уравнительность» социальной иерархии: в предшествующий период такой эффект наблюдался от заимствования турецкой военной системы, затем - системы наполеоновской империи [Нефедов, 2008. С. 582]. В начале XX в. еще более массовое превращение подданных в граждан военным путем стало фактором делегитимации прежнего порядка, носящего более или менее сословный характер. На это накладывались различные версии экономического дирижизма, также опробованные в Первой мировой войне – и к ним крупные страны вернулись в годы Великой депрессии [Мак-Нил, 2008. С. 401–404]. Иными словами, теория «военной революции» говорит о военно-технической обусловленности крушения сословных порядков (особенно характерных для законсервированных колоний) и распространения эгалитаризма и дирижизма – двух главных компонентов коммунистической идеологии.

К этой же теме, но с иной стороны подходит демографически-стируктурная теория в версии С. А. Нефедова, который, развивая идею П. Сорокина, настаивает на том, что демографическое «сжатие» и голод в аграрных обществах приводят не только к «брейкдауну» Голдстоуна, но и к более или менее длительному периоду «эгалитарного этатизма» с дирижизмом и уравнительным распределением [Нефедов, 2007. С. 50]. На демографический фактор указывают и исследователи, находящиеся на иных позициях — например, У. Мак-Нил, увязывающий аграрную перенаселенность с революционной политизированностью крестьян предреволюционных России и Китая [2008.

С. 364]. Иначе говоря, аграрное перенаселение толкает крестьян на поддержку именно эгалитарной (в социальной сфере), дирижистской (в области экономики) и авторитарной (в области политики) альтернативы.

Версии «развития через конфликт» по-своему объясняют выбор в пользу эгалитарного этатизма и дирижизма. В рамках неомарксизма (например, концепции Б. Мура о «трех путях из феодализма») выбор постфеодального общества, по сути, невелик: это либо либеральный парламентаризм («демократия»), либо авторитарный милитаризм («национальная диктатура»), либо государственный социализм («пролетарская диктатура»). В каждом случае есть ведущие и ведомые социальные субъекты (у Мура под этим имеется в виду выбор «первой и второй очереди»: что социальный субъект склонен выбрать, когда он силен, и что – когда он слаб) (см. рисунок).



Три выхода из феодализма (реконструкция модели Б. Мура: сплошная стрелка – прямая зависимость, пунктирная стрелка – обратная зависимость

В случае либерального парламентаризма ведущей силой является буржуазия («крупный бизнес»), а ведомыми – аристократия («землевладельцы-рантье») и рабочие (персонал крупной индустрии). В этом случае рабочие и бюрократия не смогли или не успели ослабить буржуазию.

Для авторитарного милитаризма (это, например, японский и прусский милитаризм, китайский «гоминьдановский национал-социализм», фашистские проекты Европы 1930-х гг.) ведущими силами выступают аристократия и бюрократия, а ведомыми — крестьяне и буржуазия. При этом сильная бюрократия должна подавить буржуазию, но не подавлять аристократию (с которой она связана и из которой рекрутируется).

Для государственного социализма ведущими силами являются рабочие и (особенно) крестьяне, а ведомой – бюрократия. При этом условия должны сложиться так, что рабочие и бюрократия очень рано смогут противодействовать буржуазии (что возможно только в обществах «догоняющей модернизации»), не давая провести «раскрестьянивание» крестьян. Но это – важное условие и для милитаризма. Другим условием для революций коммунистического толка Б. Мур называет существование структур не-аристократического рекрутирования в ряды бюрократии (наподобие земской системы для разночинной бюрократии в России или конфуцианской системы экзаменов для чиновников в Китае). Благодаря этой системе усиление бюрократии означает не усиление, а ослабление аристократии. Это обстоятельство затрудняет или делает невозможным авторитарный милитаризм, а вместе с обилием крестьянского слоя приближает возможность социалистической альтернативы [Мур-младший, 2016. С. 371–432]. С этой точки зрения колониальный период истории ЮВА характеризовался как раз уменьшением влияния местной буржуазии и преобладанием аристократии, которой гораздо больше благоволила английская и французская администрация ². Но развитый авторитарный милитаризм в Азии успел возникнуть только в Японии, где был суверенитет бюрократии ³, остальная Азия в большинстве своем просто попала в японскую «Сферу сопроцветания», а аристократические режимы в ходе японской оккупации как раз потеряли привычную опору в лице Запада. Итак, произошла дисфункция сперва местной буржуазии, а затем – аристократии (не говоря уже о наглядном воен-

² Неслучайно, например, в Лаосе французы в 1946 г. свергли революционное правительство движения «Свободный Лаос» и реставрировали монархию.

³ Хотя суверенной бюрократии в Китае было хоть отбавляй, но буржуазия была ослаблена бюрократией и рабочими, рост численности которых (особенно на юге страны) объяснялся не успехами местной буржуазии, а вовлечением страны в торгово-промышленные «цепочки» Запада. Аристократия же была ослаблена бюрократией и крестьянством (что и показала Синьхайская революция).

ном поражении самого милитаристского проекта в виде побежденной японской армии во всех рассматриваемых странах).

Идейная и организационная связь

В рассматриваемой революционной волне эти две связи тесно переплетены, поскольку те общества-доноры, которые активно поставляют своих эмиссаров в общества-реципиенты, продуцируют также и обновляемые идейные установки, которые модифицируют протестную активность. Конечно, в известном смысле идейная связь азиатской «красной» волны берет свое начало еще с марксистского Манифеста коммунистической партии 1848 г. и бланкизма, реализованного в ходе Парижской Коммуны 1871 г. Или, например, с русского ленинского большевизма с его пропагандистским завоеванием влияния в представительских органах власти и последующим вооруженным восстанием. Однако ближайших идейных центров для рассматриваемых событий все же два: 1) решения III Интернационала (Коминтерна) 1920–1935 гг. и 2) решения Компартии КНР (КПК) 1960-х гг.

Большинство организаций коммунистического толка возникло в Азии в 1920-х гг. (первой стала секция Коминтерна от Индонезии в 1920 г.). Важными идейными вехами следует считать: 1) «Двадцать одно условие» приема организации в Коминтерн, среди которых было создание параллельных подпольных партийных органов и нелегальные методы борьбы наряду с легальными (II Конгресс, 1920 г.); 2) идея «революционного отлива», предписывающая секциям затаиться, выдвигать «переходные идеи» и вести работу в профсоюзах (III и IV Конгрессы, 1921 и 1922 гг.); 3) идея «антиимпериалистического фронта», предписывающая местным секциям вступать в союзы с националистами (IV Конгресс, 1922 г.); 4) идея «социал-фашизма», предписывающая разрыв с идейно близкими социал-демократами в условиях мирового кризиса, который вновь позволял коммунистам «играть в полную силу» (VI Конгресс); 5) идея «Народного фронта», предписывающая блокироваться фактически с кем угодно (вплоть до клерикалов) против фашистов и прочих версий правых милитаристских диктатур (VII Конгресс, 1935 г.); и, наконец, еще одно идейное детище Коминтерна, значение которого для рассматриваемой революционной волны трудно переоценить; 6) книга «Вооруженное восстание», подготовленная в конце 1920-х гг. под эгидой Коминтерна и РККА (среди авторов – Блюхер, Тухачевский, Тольятти, Хо Ши Мин) [Адибеков и др., 1997]. В действиях многоликих красных партизан Азии 1940—1950-х гг. легко угадывается весь этот набор стратегий и тактик, которые применялись в зависимости от прописанных Коминтерном условий ⁴.

Что сюда добавил китайский маоизм и организационное донорство Пекина? Маоистская «новая демократия» и принцип «линии масс» во многом повторяли идею «Народного фронта» и прочие «переходные» тактики Коминтерна. Действительно новинками стали: правильный путь прихода к власти — «окружение города деревней», «теория народной войны» (партизанская война на истощение), «теория трех миров» (сверхдержавы не помогут бедным и отсталым, а поможет только Китай, столь же обездоленный, но вооруженный «новым учением») 5.

На этапе влияния коминтерновской традиции поднявшие вооруженное восстание коммунисты, при длительном неуспехе гражданской войны или быстром поражении, руководствуясь коминтерновским принципом «революционного отлива», переходят к невоенным формам борьбы. Так было в Индии (1947 г.), Индонезии (1948 г.), на Филиппинах (1954 г.), в Бирме (1955 г.), Малайзии (1957 г.). С распространением маоизма ситуация изменилась. Теперь не надо было ориентироваться на быструю победу в гражданской войне и на благосклонность сверхдержав. Расширившиеся идейные основания ведения борьбы позволяли инсургентам партизанить десятилетиями без смены тактики. Так было в Таиланде, в Малайзии, так до сих пор происходит в Индии и Непале ⁶.

⁴ Понятно, что этот набор не был бы распространен без деятельности структур Коминтерна (таких как МОПР, КИМ, Профинтерн, Коммунистический университет трудящихся Востока и пр.) и разного рода информационных и дисциплинарных мер. Например, с 1924 г. предписывалась регулярная посылка инструкторов в секции, которые были обязаны выполнять решения конгресса до их возможного обжалования на следующем конгрессе (правило действовало с 1928 г.).

⁵ Что касается прямой организационной и материальной помощи партизанам уже после начала восстания, то с середины 1960-х гг. КНР помогала практически всем маоистам ЮВА. Помощь же СССР была оказана только партизанам Лаоса (с 1960 г.) и Вьетнама (с 1965 г.). Хотя, конечно, помощь эта была качественно разной: патронами и цитатниками Мао в первом случае, вертолетами, ракетами и обучением в университете им. Патриса Лумумбы – во втором.

⁶ При этом после отказа в КНР от основных принципов маоизма во второй половине 1970-х гг. в большинстве случаев партизаны ЮВА повсеместно объявили об отколе от «китайских ревизионистов» и сейчас настроены враждебно к современной китайской политике.

Таким образом, структурная связь между коммунистическими революциями в Азии 1940-х – 1960-х гг. включает как те причины, которые вызвали Первую и Вторую мировые войны (и первую «красную» революционную волну): 1) падение британской гегемонии, фаза конкуренции в рамках цикла накопления капитала в мир-экономике, а также 2) геополитическое возвышение Пруссии / Германии и Японии по итогам франко-прусской и русско-японской войн, что вызвало коалиционную войну и последующую волну деколонизации; так и те факторы, которые возникли в ходе и после Второй мировой войны: 3) падение могущества Европы и возвышение Северной Америки и Северной Евразии; 4) повторение в колониях европейских процессов, вызванных «военной революцией» и сквозной милитаризацией общества. На это все накладывается 5) вызванная войной дисфункция аристократии в аграрных обществах колоний и 6) дискредитация авторитарного милитаризма в качестве одного из двух наиболее вероятных сценариев для освобожденных обществ «третьего эшелона» модернизации.

Если описанная экзоструктурная связь (смена гегемона, деколонизация, «вакуум могущества») распространяется на 22 революционных случая, то эндоструктурная связь охватывает уже только 18 случаев протестной активности, а при учете идейно-организационной связи «волна» распадается на 2 «волны», одну из которых следует назвать «коминтерновской», а вторую — «маоистской».

Список литературы / References

Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 280 с. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. N., Shirinya K. K. Organizatsionnaya struktura Kominterna. 1919–1943 [The Organizational Structure of the Comintern. 1919–1943]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. (In Russ.)

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 456 с. Mak-Nil U. V pogone za mosch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obschestvo v XI–XX vekakh [In the Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society in XI–XX Centuries]. Moscow, Territoriya budushhego Publ., 2008. (In Russ.)

- **Мур-младший Б**. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016. 488 с.
 - Moore B. Jr. Sotsialnye istoki diktatury i demokratii: Rol' pomeschika i krest'yanina v sozdanii sovremennogo mira [Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World]. Moscow, 2016. (In Russ.)
- **Нефедов С. А**. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. 141 с.
 - **Nefedov S. A.** Kontseptsiya demograficheskikh tsiklov [Concept of Demographic Cycles]. Ekaterinburg, Izdatelstvo UGGU, 2007. (In Russ.)
- **Нефедов С. А.** Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008. 752 с.
 - Nefedov S. A. Faktornyi analiz istoricheskogo protsessa. Istoriya Vostoka [Factor Analysis of the Historical Process. History of the East]. Moscow, Territoriya budushhego Publ., 2008. (In Russ.)
- **Розов Н. С.** Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. 2016. № 10. С. 78–95.
 - **Rozov N. S.** Revolyutsionnye volny v mirovoi istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya [The revolutionary waves in the history of the world: a dynamic model of growth and decline]. *EKO*, 2016, no. 10, p. 78–95. (In Russ.)
- **Цыганков В. В.** Революционные волны в позднее Новое время: мануфактурный кризис в мире и промышленный переворот в Англии // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 204–225.
 - **Tsygankov V. V.** Revolyutsionnye volny v pozdnee Novoe vremya: manufakturnyi krizis v mire i promyshlennyi perevorot v Anglii [Revolutionary waves in later Modern times: the manufacturing crisis in the world and the industrial revolution in England]. In: Nauka, obrazovanie, obschestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya [Science, Education, Society: Trends and Prospects]: Materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary, 2017, p. 204–225. (In Russ.)
- **Цыганков В. В.** Типы революционных волн (на материале истории Раннего Модерна) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник. Волгоград. 2016. С. 263–281.
 - **Tsygankov V. V.** Tipy revolyutsionnykh voln (na materiale istorii Rannego Moderna) [Types of revolutionary waves (based on the history

of Early Modern)]. In: Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov: Ezhegodnik [System Monitoring of Global and Regional Risks: Yearbook]. Volgograd, 2016, p. 263–281. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию Received 23.07.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Цыганков Владислав Васильевич, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladislav V. Tsygankov, Candidate of Science (Philosophy), docent of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

oktava-77@yandex.ru